

Редактор Лариса Левина
Художник Анна Ринг

© Марианна Тарасенко и издательство «Арго», 2018
© Анна Ринг, оформление, 2018

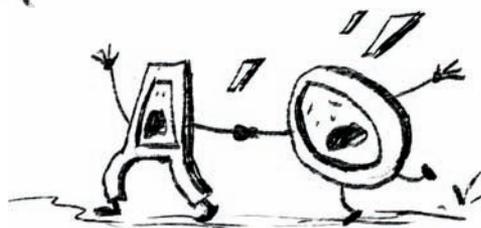
www.argokirjastus.ee

ISBN 978-9949-607-49-5

Отпечатано в Таллиннской книжной типографии

МАРИАННА ТАРАСЕНКО

Пожалуйста,
говорите
по-русски!

ОГЛАВЛЕНИЕ

I. КЕМ ПРИХОДИШЬСЯ ТЫ МНЕ – НЕ ЗНАЮ.....	9
Двоюродная мать.....	9
Каравай, каравай, слово точно выбирай	12
В помощь сильному полу: путеводитель по зыбкой почве	14
Белая кобыла с карими глазами	16
Винёвая дама	18
Белая? – Нет, красная. – А почему черная?	20
Приятное – в лицо	22
Охота на оборотней.....	23
II. НЕВИДИМЫЕ МИРУ СЛЕЗЫ.....	27
Брелок анфас и в профиль.....	27
Мне вкусно! Как грустно.....	29
Я – домо... кто?	32
Главочка про суффиксики	34
Паранормальные пары	36
Крокодиловые слезы.....	37
Курица, ты чья?	39
Вчера я с Лондона вернулась	42
III. СМУГЛЫЕ ВОСПОМИНАНИЯ	45
Капустная ванна для молодого петушка	45
Про коржик плюшки и хлеба булку.....	47
Девушка честная, но беременная.....	49
В плену у плеоназмов	51
Дело – не дверь.....	53
Лайф и удивительные адвенчерз переводов	55
Шпион, укравший отрицаты, и негативный персонаж.....	63
Занятные глаголы	65

IV. ТУФЕЛЬЮ ПО ПРОСТЫНИ	68
О правах и обязанностях	68
Мы игрались, мы писались, наши пальчики устались	69
Прыгающие предлоги	72
Одену я белую шляпу.....	73
Различи отличие!.....	75
Пропылесосю и победу	76
Происшествие с кроссовком и туфелью	78
Сказка о потерянном корне	81
V. «Ё» МОЕ, БЕЗУДАРНОЕ	84
Пила как орудие адюльтера.....	84
Афера со свёклой	85
Житие мое.....	87
Любовь Раневская как зеркало русского языка.....	88
Некролог каталогу	90
Квартальный договор.....	91
Для тех, у кого мозги	93
Мы рады деньгам по средам	94
VI. У РЫБ НЕТ ЗУБ	98
Облаком по яблоку	98
Четыре татарина и один армян	100
Чем бы дитя ни тешилось, лишь бы склонялось правильно	102
Непутевые слова.....	104
Один из них утоп: падеж, которого нет	105
Падежи-призраки	107
Вороватые падежи: по ком каркает ворон?.....	109
Вороваты, но не виноваты.....	111
VII. СКРОМНОЕ ОБАЯНИЕ ЧИСЛИТЕЛЬНЫХ	116
Порядковые и просто порядочные	116
Шальные количественные: дели на два	118
Зубодробительные дробные: приятной вам путаницы.....	120
Разборчивые собирательные: собирают, но не всех	123
Пару гнедых, ай да пару гнедых!.....	125
Более красивее, более счастливее.....	128
Забавная арифметика: получи, фашист, гранату	129
То, что доктор прописал	130
Продолжим работу?	134
Для заметок.....	135

НЕВИДИМЫЕ МИРУ СЛЕЗЫ

Брелок анфас и в профиль

Если вам кажется, что вы не знаете иностранных языков, то знайте, что вам это только кажется. Русский обладает удивительным свойством: он заимствует огромное количество иностранных слов, переваривает их и быстро приспособливает под собственные нужды. Заимствования не только обрастают приставками, суффиксами, окончаниями, теряют части корней, но и приобретают новое значение ... Короче говоря, год-другой в русском языке – и бывшее французское, английское или немецкое слово мама родная не узнает.

С одной стороны, это здорово. С другой – не всегда. Вот, например, слово хорошего, французского, происхождения – **брелок** (*breloque*). До недавнего времени легитимными считались только формы «**брелока** – **брелок**у – **брелоком** – **о брелоке**» в единственном числе и «**брелоки** – **брелокам** – **брелоками** – **о брелоках**» во множественном. Поэтому любого человека, небрежно рассуждающего о «брелках», можно было ткнуть носом в любой словарь и тем самым нос ему утереть. Но словари, к сожалению, эту битву проиграли, и теперь многие из них упоминают форму «брелки» как разговорную, а некоторые предатели так и вовсе признают обе формы равнозначными.

Почему французскую вещицу постигла такая жестокая участь? Все очень просто: хвостик слова «ок» мы воспринимаем как наш родной суффикс – по аналогии со словами «белок», «кивок» и т.д. А когда мы их изменяем, то гласная из суффикса выпадает – «белки, белка, кивком, о кивках» и т.п. Но это – заметьте – из суффикса! Не являясь французским филологом, не рискну утверждать, какой конкретно морфемой является «ок» в слове «брелок» – суффиксом ли, частью корня ли... Но для нас это значения и не имеет, поскольку, утвердившись в русском языке в качестве заимствования, весь «брелок» целиком считается корнем. И никаких побегов гласные из него совершать не могут.

В русском языке мало слов, в конце которых «ок» не является суффиксом. Но найти такие можно. Вот, например, слово «зарок», в котором «ок» – часть корня. Что происходит с «о» при склонении? А ничего: «зарока, зарок, зарки»... И даже самому безграмотному носителю языка не придет в голову произнести «зарки» или «зарка». Сравним с созвучным словом «пирог» – опять же: «пирог и пирогом» и никаких «пиргов и о пирге». Так в чем же дело, за что страдает невинный «брелок»?

Некоторые по этому поводу радуются – мол, обрусел наш брелок, но лично я основания для радости не вижу. Потому что печальный прецедент погубит и другие заимствования из французского, и скоро в словарях появятся формы «экивки» и «экивка» вместо «экивоки» и «экивока». Потом, в связи с развитием туризма, возьмутся за топонимы – «из Лангедка» вместо «из Лангедока», а затем пострадают и фамилии вроде «Видок». «Фильм про Видка видел?» – будут спрашивать друг друга русские интеллектуалы новой формации. Может, доживем и до такого.

Ведь уже довольно давно, намного раньше, чем начались издевательства над безответным брелоком, им подверглось невинное и тоже французское слово **«анфас»**. У него есть братья – слова **«профиль»** и **«трузакар»**. «Анфас» означает «вид прямо, в лицо», и его беда заключается в том, что заимствовано оно вместе с предлогом «ан», который в данном контексте на русский можно перевести как «в». А слово «профиль» (вид сбоку) заимствовано без предлога. Поэтому

правильно говорить «в профиль», но «анфас»: нет необходимости в повторном употреблении предлога, теперь уже русского.

А многие говорят «в анфас». Не надо, это неграмотно. При этом слово «траукар», переводящееся как «три четверти» (применительно к лицу – в пол-оборота) тоже нужно употреблять без предлога, хотя в его составе предлога нет. Только не спрашивайте, почему. Объяснить можно, но это очень долго, проще запомнить.

Мне вкусно! Как грустно...

Явление, о котором мы сейчас поговорим, возникло где-то в середине 1990-х годов. «Ну вот еще! – скажете вы. – Где мы, и где девяностые?» Однако на протяжении всей этой книги нам не раз придется возвращаться в то время, поскольку именно тогда печальные процессы, наметившиеся в русском языке еще в конце восьмидесятых, начали происходить настолько же бурно, как после Октябрьской революции, но более бесконтрольно.

Языку свойственно изменяться при смене элит, и причины этого ясны. Люди, говорящие неграмотно, есть всегда – в любую эпоху и при любом строе, но они, как правило, находятся на периферии общественного внимания: не выступают публично, не пишут книг и статей, а применительно к нашему времени это означает и то, что мы не слышим их речей по радио и телевидению. Люди, которых мы слышим, более-менее обучены, но как только меняется формация, меняются и публичные личности – по крайней мере, частично. Таким образом, «слышимым» часто становится тот, кто может говорить горячо, остро, интересно, но, увы, не подготовлен говорить грамотно.

Если он умный, он начнет потихонечку осваивать эту хитрую науку, а уж со своих детей – тем более – три шкуры спустит, чтобы обучить их. В итоге грамотными на уровне прошлой элиты станут его внуки, но запущенные процессы к этому моменту, в частности, и благодаря Интернету, где каждый употребляет слова как хочет (о правописании я даже не говорю), уже сделают свое дело: язык будет иным. В принципе ничего страшного в этом нет, поскольку язык для того, чтобы оставаться живым, должен развиваться.

Но есть моменты, которые развивать и поощрять не хотелось бы.

Итак, о явлении. В первый раз я столкнулась с ним при прочтении детективного романа. «Вкусно ли тебе?» – вопрошал герой героиню, которая отвечала: «Да, мне вкусно». Раньше я с таким никогда не сталкивалась: не то, что не читала, но даже ни от кого не слыхала. Но в соответствии с принципом парности случаев, буквально через неделю после исторического столкновения ко мне обратился приятель с просьбой подтвердить его жене, что говорить «мне вкусно» – неправильно.

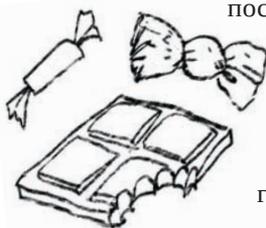

Я подтвердила, и она вроде бы даже поверила, но захотела узнать, почему неправильно. Вопрос застал врасплох. «Почему? – то мямлила, то горячилась я. – Ну, как бы тебе сказать... Наверное, потому, что так не говорят. Почему не говорят? Да не принято – и всё! Что у тебя, совсем языкового чутья нет? Хочешь казаться малограмотной – продолжай в том же духе»... Как ни странно, горячность часто бывает убедительнее, чем логика, и мне поверили на слово.

И вдруг случился обвал: выражение «мне вкусно» стало звучать отовсюду, и к настоящему моменту этот процесс приобрел масштаб стихийного бедствия. Стало ясно, что пока не поздно, надо побороться (хотя, скорее всего, уже поздно). Но теперь на помощь пришлось призывать не логику, а все-таки разум. Грамматические правила здесь не очень работают, это вопрос, скорее, культуры речи.

Итак, в конструкциях типа «мне как-то» с местоимением «мне» употребляются так называемые сказуемостные наречия (категория состояния), которые имеют значение психического или физического состояния и используются в безличных предложениях: «мне грустно», «мне весело», «мне безразлично» и пр.

А слово «вкусно» – это не категория состояния, а типичное наречие, поскольку оно связано с конкретным предметом или

действием и, соответственно, не может использоваться в безличных предложениях. **Например:** «Пирог вкусно пахнет», «Икра – это вкусно», «В этом кафе вкусно готовят» ... Последнее, правда, – тоже глагольное односоставное предложение, но уже не

безличное, а неопределенно-личное: всем понятно, что готовит повар или тот, кто взял на себя его функции.

Позволю себе напомнить читателям, что такое категория состояния. Это класс слов, которые обозначают – вы удивитесь! – состояние, обычно отвечают на вопрос «каково?» (Каково тебе? – Мне холодно) и используются, как правило, в качестве главного члена односоставного предложения («холодно» – сказуемое в безличном предложении, «мне» – дополнение). Важно уметь отличать их от омонимичных им форм наречий и кратких прилагательных. Посмотрим, чем может являться, например, слово «тяжело» в разных предложениях. **Он тяжело поднимался в гору** – наречие. Тяжело ты, мое сокровище – краткое прилагательное. **На сердце у меня тяжело** – категория состояния.

Для того чтобы относиться к категории состояния, слово должно как минимум обозначать состояние: все равно какое, кого или чего – человека, животного, природы, социальной установки. Это, например, «можно», «страшно», «надо», «нельзя», «жарко», «слышно», «жаль», «темно», «неохота», многие другие, и все они в качестве категории состояния прекрасно сочетаются с местоимением «мне», равно как и с «тебе», «ему» и так далее, сочетаются и с существительными. **«Мне неохота», «Сергею жарко», «ему не слышно», «человеку надо»... А с какого это перепуга человеку вдруг может сделаться «вкусно»?** Когда мы говорим «да, очень вкусно», мы подразумеваем нечто, имеющее хороший вкус, просто опускаем слово «это». То есть «вкусно» может являться либо наречием, либо кратким прилагательным, но категорией состояния – никогда.

Мы чувствуем холод – нам холодно, мы чувствуем радость – нам радостно, но «вкусно» – совсем из другой оперы: это слово не означает, что мы ощущаем вкус, оно означает приятный вкус самой еды. Кстати, употребляющиеся в нашей речи слова того же порядка, например, «сладко» и «горько», в переносном смысле могут относиться к категории состояния: ему горько, всем несладко... Но это в переносном! Я думаю, ни один упертый филолог не возразит против выражения «ей так вкусно живется». И правильно сделает, поскольку мало того, что «вкусно» здесь употреблено в переносном смысле: оно является наречием, а не категорией состояния.

Но точно так же, как нельзя сказать «мне вкусно», нельзя сказать «мне странно» или, допустим, «мне удивительно». Впрочем, пока так

вроде бы почти и не говорят, а используют привычные конструкции – «помоему, это странно», «мне это кажется удивительным» и так далее. Это отличные конструкции и для слова «вкусно», если кому-то его одного мало.

А под занавес хотелось бы сказать еще об одном слове, если его так можно назвать: лучше просто «оно». Это юное «оно» является однокоренным с только что воспетым нами «вкусно», но вызывает иные ассоциации и даже рвотный рефлекс. Вы уже догадались? Да, конечно, это «вкусняшка». Особенно удивительно слышать, когда это «ванильное» новообразование берут на вооружение мужчины. Мужчины, опомнитесь, пока не поздно! Есть же слова «вкуснятина», «вкуснотища», «вкуснота». Вам мало?

Я – домо... кто?

То, как сурово действительность обошлась с некоторыми паронимами (словами, сходными по звучанию, но полностью или частично различными по значению) – тема отдельного разговора. В языке граница между рядом паронимов стерлась, и их значения слились. Помянем эти паронимы тихим незлым словом: их уже не спасти. Зато мы еще можем как-то помочь словам, которым, похоже, тоже уготована печальная участь.

Они могут являться паронимами или не являться, могут иметь разные корни и идентичные приставки, могут быть сложными и при этом «однокоренными по одному из корней» (да простят меня лингвисты), их значения могут в чем-то перекликаться, но никак не совпадать... Эти слова существовали рядом очень много лет и никогда друг другу не мешали. И вдруг их начали путать, да еще и с пугающей частотой. Однако довольно интриги, начнем приводить примеры.

Жертвой нашей безграмотности стала пара «**домработница** – **домохозяйка**». Первое из этих слов означает домашнюю прислугу за всё. Это когда-то были горничные (старшие и младшие), лакеи, повара, кухарки, судомойки,

экономки, камердинеры и дворецкие... А затем русская действительность превратилась в советскую: перед кухарками открылись невиданные перспективы и максимум, что могла себе позволить далеко не любая семья, – это домработницу, то есть «всех слуг в одном флаконе». А если брать по минимуму, то наверняка каждая женщина хоть раз в жизни сообщала своим домочадцам, что она им не **домработница**. И значение этого слова было понятно каждому из нас с малолетства.

А были женщины, которые не работали. Но – по советской терминологии – считались не тунеядками, а иждивенками. Если мы используем данные слова в качестве ругательств, это чистые синонимы, но, с точки зрения социальной, разница между ними была существенная. Тунеядство преследовалось по закону и примерно наказывалось, а иждивенчество – нет. Живешь на средства мужа – стало быть, находишься на его иждивении, мирно варишь супы и воспитываешь детей. А если у супруга высокая зарплата – то сидишь на его шее свесив ножки, а супы тебе варит и детей твоих воспитывает кто-то еще. Но в обоих случаях ты называешься **домохозяйкой** (что и пишешь в анкетах в графе «место работы»), а «кто-то еще» – **домработницей**. Ощущаете разницу? И ни одна, даже самая недоразвитая иждивенка, в жизни не написала бы, что она – домработница. Особенно, если последняя у нее имеется.

Время летело, домработницы встречались все реже. И вдруг мир перевернулся еще раз. Потребность в прислуге резко возросла, и повезло тем, кто сразу смог разжиться всеми ее разновидностями плюс четыре охранника и шофер. Менее продвинутым пришлось довольствоваться всего лишь домработницами, которых они – в силу своей врожденной грамотности и приобретенной культурности – начали называть домохозяйками. «Ты кулебяки-то сама пекёшь?» – спрашивает одна светская дама другую. «Вот еще! Домохозяйка моя пекёт!» – «А чего она туда ложит?» – «Да всё ложит. И моркву ложит, и буряки ложит, и куру ложит»... И пошло-поехало: куда ни плюнь – у каждой новой аристократки своя домохозяйка.

Главочка про суффиксики

Помимо домохозяйек новая российская элита обзавелась еще одной разновидностью прислуги – «нянечками». Нянечки растят детей, а бывает, что и выполняют какую-то работу по дому, если нет «домохозяйки». Например, стирают белье. Не руками, конечно, но и не в стиральной машине, а в «машинке». Ну, куда элита – туда и мы, простые смертные. И у нас теперь тоже сплошь нянечки и машинки.

Но давайте на минуту отвлечемся от домашнего хозяйства и мысленно перенесемся в хороший ресторан. Не в новомодный, а имеющий свою историю. Допустим, в московский «Славянский базар». И лет на сто назад. Или хотя бы на двадцать.

Итак, вы сидите за столиком и небрежно листаете меню, а перед вами склонился услужливый официант с вечным «чего изволите-с?». – «Ну, пожалуй, – вальяжно растягивая на московский манер гласные, говорите вы, – граммов сто водочки. И закуски к ней, братец, неси: грибочков маринованных, огурчиков, осетринки»... – «А икорки белужьей не желаете? – подобострастно интересуется половой. – Исключительно свежая у нас нынче икорка». – «Что ж, можно и икорки», – соглашаетесь вы. А официант продолжает: «На горячее я бы вам настоятельно рекомендовал котлетку из цесарки».

Но довольно, прекратим это издевательство, пока никого не замутило. Тем более что замутичь может не только от перечисления буржуазных деликатесов, но и от обилия уменьшительно-ласкательных суффиксов. Откуда взялась эта манера нежно именовать еду? Причем не только гастрономический «от кутюр», но и самую обычную. Достаточно вспомнить диалог Жеглова и Шарапова, когда один из них мечтал навернуть «щец горячих», а другой – «супчика да с потрошками».

Оказывается, **в уменьшительно-ласкательной форме человеку свойственно именовать нечто «свое» и «привычное».** (Вы будете смеяться и плакать, но автор лично слышал от гинеколога рассказ, изобиловавший такими терминами, как «миомка» и «кровотеченьице.е.) То есть все эти «салатики», «жюльенчики», «волованчики» и прочие «буженинки» для официанта – нечто вроде профессионального сленга, а

в посетителе они выдают завсегда ресторанов и тонкого гурмана; ничего общего с сюсюканьем типа «Петюньчка, кушай кашку с хлебушком» это не имеет. Равно как и к нянечкам с машинками.

Обратимся к словарю.

Нянечка – 1. Ласкательное к «няня» (1 значение).

Быстро смотрим первое значение.

Няня – 1. Работница, занимающаяся уходом, присмотром за детьми.

Боже, неужели наниматели так любят свою прислугу? Наверное, еще у них есть шоферчик, садовничек, кухарочка и пара этих, как их... горничненьких? Но на всякий случай продолжаем изучать словарь.

Нянечка = 2. Няня (2 значение)

Няня – 2. Разговорное. Санитарка в лечебном учреждении.

Заодно находим еще одно слово.

Нянька – Разговорное. 1. = Няня (1 значение). 2. Тот, кто постоянно опекает кого-либо.

Внимательно изучив все эти словарные статьи, приходим к смелому выводу: **няни и няньки присматривают за детьми, нянечки ухаживают за больными.**

Переходим к стиральным «машинкам». Эта, по выражению Макарушки Нагульнова, кошмарная жуткость приползла в широкие массы из рекламы. Ни о каком «своем-привычном» здесь речи не идет. **«Машинка» – и в нашем представлении, и по утверждению словарей – это либо маленький автомобиль, либо детская игрушка. А еще – небольшая машина в «неавтомобильном» значении этого слова. Например, швейная или пишущая. Или для стрижки волос.** Наверное, крошечную – на полпростыни и пару носков – стиральную тоже можно назвать с уменьшительно-ласкательным суффиксом, но никак не полноценную, рассчитанную на пять-семь килограммов.

А что мы постоянно слышим по телевизору? «Боже, моя машинка сломалась!» – причитает дама, бегая вокруг домашнего монстра, занимающего половину кухни. «В машинке образовалась накипь!» – объясняет ей мастер. И народ радостно им вторит: «О машинку купили! Как роля: еле дотащили впятером».

Но если здесь мы имеем дело с агрессивным просторечием, то есть примеры и более печальные.

Паранормальные пары

Еще одна пара паронимов, погибающая в неравном бою с нашей безграмотностью, – это «**бездетность – бесплодие**» или, если хотите, «бездетный – бесплодный». Иногда мы навязываем родному языку нечто запредельное.

Казалось бы, что может быть проще: **бездетный** – это тот, у кого нет детей, а **бесплодный** – тот, кто не может плодородить. То есть пока еще бездетная женщина в дальнейшем может оказаться ух какой плодородной, а вот человек, страдающий бесплодием, произвести на свет ребенка не может по определению.

Тем не менее, в печати все чаще приходится сталкиваться с такими выражениями, как «его жена, страдающая бездетностью» или «лечение бездетности». При этом обратной подмены не происходит: никто не вспоминает о «налоге на бесплодие» и пока что не называет «бесплодными» семьи, в которых нет детей. И сейчас мы можем говорить не о тенденции к слиянию значений этих слов, а о тенденции поглощения значения одного слова другим. Не думаю, что в итоге оно окончательно «поглотится», но новый языковой ляп уже появился.

А еще стало модно путать слова «**трудоспособность**» и «**дееспособность**». Посмотрим их значения по словарю.

Дееспособный – 1. **Способный к действию, деятельности (дееспособный организм).**

2. **Имеющий право совершать действия юридического характера и несущий ответственность за свои поступки. Сущ. – дееспособность.**

Трудоспособность – 1. **Физическая способность к труду.** 2. **Способность много и и продуктивно трудиться, работоспособность. Трудоспособный – обладающий трудоспособностью.**

Внимательно изучив эти определения, мы можем прийти к выводу, что недееспособный по причине травмы головы вполне может оказаться

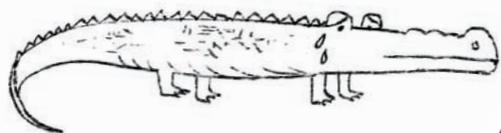
трудоспособным (например, клеить коробки), а нетрудоспособному (допустим, безрукому инвалиду) ничто не мешает иметь светлую голову и совершать действия юридического характера.

Но самая интересная, на мой взгляд, история, произошла с прилагательными **«неприкасаемый – неприкосновенный»**. Все мы хотя бы краем уха слышали, что была в Индии и до сих пор существует такая каста, причем низшая, – **неприкасаемые**. Относящиеся к ней выполняют самую черную работу, а представителям высших каст даже дотрагиваться до них нельзя, дабы ненароком не оскверниться.

А слово **«неприкосновенный»** определяет нечто, что можно расходовать лишь в крайнем случае: например, неприкосновенный запас. Или то, что очень хорошо сохранилось: например, воспоминания. Или то, чего касаться запрещено по причине его исторической ценности: предположим, рукописи классиков.

В любом случае, слово «неприкасаемый» имеет негативную окраску, а «неприкосновенный» – нейтральную или положительную. Но теперь довольно часто можно услышать, как неприкасаемыми называют тех, к кому нельзя прикасаться именно из соображений пиетета. И словари дают уже и такое определение слова – правда, пока еще с пометкой «разговорное» – «тот, кого нельзя критиковать». И снова происходит подмена понятия: вместо «того, кого нельзя трогать потому, что можно испачкаться» мы получаем «того, кого нельзя трогать потому, что его нельзя пачкать». Лихо? И что теперь делать, если тебя назовут неприкасаемым — плакать или радоваться?

Крокодиловые слезы

Немного найдется людей, которые в наше время смогут быстро ответить на вопрос, чем, например, «салатовый» отличается от «салатного», а «крокодилый» от «крокодилового». Зато, боюсь, легко найдутся такие, которые вообще не видят между ними разницы.

Как мы уже упомянули выше, некоторые паронимы современные словари считают полностью взаимозаменяемыми. Например, это **«оптимистичный»**

и «**оптимистический**», «**катастрофический**» и «**катастрофичный**», «**категорический**» и «**категоричный**». Но, тем не менее, в некоторых случаях, стилистическая разница между ними сохранилась: нельзя сказать «я тебе категорично запрещаю» или «он говорил со мной категорическим тоном», и, в общем-то, так и не говорят. Люди запомнили, что запрещать надо категорически, а тон может быть только категоричным.

Но полным-полно и примеров паронимов, различия между которыми намного глубже стилистических, вплоть до того, что очень похожие слова могут обозначать диаметрально противоположное.

Вот два слова – «**адресант**» и «**адресат**», различающиеся одной единственной буквой «н». Грех не спутать. И ведь путаем же! А между тем, «адресант» – отправитель письма, а адресат – получатель.

Еще одна пара – «**двигатель**» и «**движитель**». Оба слова произошли от глагола «двигать», в обоих есть суффикс «-тель»... А означают они разное: «двигатель» – это машина, превращающая какой-либо вид энергии в энергию механическую (паровой двигатель), или сила, побуждающая к чему-либо, содействующая росту, развитию (двигатель прогресса), а «движитель» – устройство, обеспечивающее движения транспортного средства. Движителями являются, например, винт самолета или колесо автомобиля.

Со словами «**абонемент**» и «**абонент**» тоже обходятся варварски. Но «абонемент» – это право пользования чем-либо в течение определенного срока (абонемент на цикл концертов), а «абонент» – человек, который имеет право пользоваться в течение определенного срока чем-либо, например, телефонной сетью.

А вот еще пара «**ординарный**» и «**ордиарный**». Их путают на каждом шагу, и совершенно напрасно. Потому что «ординарный» – это не двойной (тройной и т.д.), например, одинарная рама, а «ордиарный» – обыкновенный, заурядный, допустим, ордиарная внешность. Если вы не уверены в том, какое слово нужно употребить, а времени на раздумья нет, делайте вид, что не выговариваете букву «р».

Не стоит путать, пусть разница между ними не настолько велика, и слова «**эффектный**» и «**эффективный**». «Эффективный» – это приводящий к нужным результатам (например, эффективные меры), а «эффектный» –

производящий сильное впечатление (эффектный наряд). То же и с другой парой. «**Аристократический**» – свойственный аристократии (образ правления, например), «**аристократичный**» – утонченный, изящный (аристократичные манеры).

Действительно трудная пара – «**масленный**», то есть запачканный, пропитанный или смазанный маслом (например, блин) или льстивый, заискивающий, выражающий чувственность (например, масленный взгляд) и «**масляный**», то есть предназначенный для масла, сделанный из масла или на масле, относящийся к маслу (насос, пятно, краска). Звучат эти слова практически одинаково, поэтому трудности, в основном, возникают при письме.

Ну, и под конец уже упомянутая пара «**крокодиловый**» и «**крокодилий**». «Крокодиловый – это сделанный из кожи крокодила (крокодиловые туфли), а крокодилий – относящийся к крокодилу, принадлежащий ему – например, крокодильи слезы. Так что быстренько исправляем название этой главы.

Курица, ты чья?

И снова о паронимах и им подобных: ну никак нам не расстаться.

Еще одна распространенная тенденция — путать слова «**латвийский**» и «**латышский**». То и дело приходится сталкиваться с выражениями типа «латышская колбаса» (о произведенной в Латвии), «латышское правительство» и «латвийский язык».

Но стоит помнить, что слово «**латвийский**» нужно **употреблять, когда мы говорим о чем-то относящемся к Латвии, а «латышский» – об относящемся к латышам.** Правительство (чего?) Латвии — стало быть, латвийское; граница (чего?) Латвии – тоже латвийская. И все население Латвии, вне зависимости от национальности – латвийцы. Зато язык латышей – латышский, и народные песни, танцы и сказки латышей – латышские. Да и колбаса тоже может быть латышской, если подразумевается какой-то особый, сугубо национальный сорт.

Сложность заключается в том, что в большинстве аналогичных случаев никакой «парности» не существует. Вот, например, Швеция: и король у них шведский, и язык, и пиво шведское. Так же дела обстоят и с Францией, и с Испанией, и с Италией. Немного портит картину Германия с населяющими ее немцами, говорящими на немецком языке и поедающими немецкие сосиски. О Голландии стыдливо умолчу: о том, что голландским бывают только сыр и острая приправа хрен, а королева – все-таки Нидерландов, нам известно из исторического анекдота. В любом случае, это дипломатические тонкости, и пусть по поводу Великобритании и Нидерландов, а также немецкой/германской разведки головы болят у сотрудников соответствующих ведомств.

Но у Латвии есть сестра по несчастью. И не абы кто, а Россия. Не будем удаляться в дебри, отметим лишь, что в силу определенных исторических причин и языковых процессов мы опять же имеем два прилагательных – «**российский**» и «**русский**». «**Российский**» – **относящийся к России, часто именно как к государству**: российский герб, российский парламент, российское производство, российское телевидение. А «**русский**», помимо того, что тоже является прилагательным к словам «Россия» и «Русь» (например, русская история, русская природа) – **это принадлежащий русским**: русский язык, русская рубаха, русская икра... Водка, кстати, может быть как русской, так и российской. Но это никак не касается посольства РФ в любой стране: оно все-таки российское, а не русское.

И уж если мы об этом заговорили, то, наверное, стоит упомянуть и Финляндию. Теперь у нас все **финское** – и телевидение, и сапоги, и правительство, и язык. Но петербургский **Финляндский вокзал** прозрачно намекает на то, что так было не всегда. Зато в нашем языке мирно продолжают сосуществовать слова «**тайландский**» (остров) и «**тайский**» (язык). И теперь будет кстати сказать пару слов и о стране, которая по-русски называется «**Таиланд**», а ни в коем случае не «Тайланд». Поэтому нижайшая просьба ко всем сотрудникам всех турбюро писать и произносить это правильно.

Кстати, в том же регионе находится еще одна прекрасная страна – Индия. Но если мы перенесемся в другую часть света, в Америку, то у нас есть шанс встретиться с самыми настоящими... индейцами. Мы

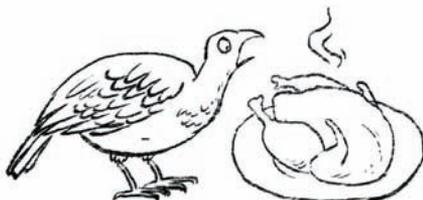
знаем, что во всем виноват Колумб, географические изыскания которого внесли сумятицу и в лексику, но в итоге в европейских языках всё как-то устаканилось. Например, по-испански коренной житель Индии будет *hindu*, а американский абориген – *indio*, по-английски – *hindu (hindoo)* и *indian* соответственно. Конечно, тоже легко запутаться, но русскому языку повезло еще меньше.

В России вплоть до начала XIX века «индейцами» или «индейцами» называли жителей Индии. Затем «индейцами» стали именовать американских аборигенов, жителей Индии переименовали в «индусов», а термин «индеи» вообще самоликвидировался. Потом разобрались, что индусы – это исключительно приверженцы индуизма, и пришли к выводу, что все население Индии скопом, вне зависимости от их религиозной или расовой принадлежности, следует звать «индийцами». В классической литературе, как в русской, так и в переводной, мы встречаемся с термином «индус» в значении XIX века, **но в наше время следует не только различать индейцев и индийцев, но и отличать последних от индусов.**

И, напоследок, или, если хотите, на закуску – индейка. Она же индюшка. Та самая, с которой мореплаватели тоже познакомились в якобы «Индии» и которую благодарные американцы благодарно поедают в День благодарения. Супруг ее изначально именовался индейским петухом, потом его сократили до индюка, так что птица сия по сути – курица. Кстати, по-английски она называется вовсе *turkey*, что как бы намекает на ее турецкое происхождение (в Англию из Америки она поступала транзитом через Мадагаскар и Турцию, но к лингвистике это отношения не имеет). Так вот, как все-таки правильно – «индюшка» или «индейка»? Одни словари придерживаются точки зрения, что и так и эдак, другие утверждают, что литературное слово – «индейка», а «индюшка» – разговорное. А как тогда быть со словами «индюшонок» и «индюшатица»?

Но все очень просто. **Индюшка – живая птица, а индейка – еда, из нее приготовленная.** И, между прочим, эту разницу люди подсознательно ощущают. Мы никогда не скажем, что у кого-то по двору бродит толстенькая индейка: на прогулки способна только индюшка. Которую, кстати, не следует подавать на стол – рассердится и заклюет. А вот индейка, особенно с брусничным вареньем, абсолютно безобидна и очень полезна для здоровья.

На этом разговор о паронимах мы на время прекращаем, но с ними не прощаемся: они неизбежно возникнут в других разделах этой книги. А пока что мы от них так устали, что давайте отдохнем за границей.

Вчера я с Лондона вернулась

Мы только что побывали во многих странах, а теперь на минутку заскочим в столицу Великобритании: лишь для того, чтобы дома рассказать, откуда мы вернулись. Это вообще очень важно – уметь рассказать, откуда ты явился. В нашем случае – из Лондона.

Очень часто в разговорной речи мы допускаем выражения вроде «он уже пришел со школы» или «ко мне приехал друг с Москвы». Однако не стоит забывать, что все предлоги в русском языке имеют свое значение.

Мы что-то кладем сверху, то есть «на» – на стол, на кровать, на холодильник, а потом забираем положенную вещь «с» – со стола, с кровати, с холодильника. Предлог «с» по своему значению противоположен предлогу «на». Еще одна пара предлогов-антонимов – предлоги «в» и «из». **Зашел в дом – вышел из дома, упал в яму – выбрался из ямы.** Отсюда логически вытекает: для того, чтобы со школы прийти, надо сначала на нее взгромоздиться.

А еще необходимо различать мероприятия и помещения, в которых эти мероприятия проводятся. Мы идем в театр, но на спектакль, в гости, но на новоселье, в кино, но на фильм. И обратно – из театра со спектакля, из гостей с новоселья, из кино с киносеанса.

Рассмотрим то же слово «стол», которое употребляется и с предлогом «на», и с предлогом «в». Но в этом случае мы никогда не ошибемся, потому что оттого, как мы скажем, зависит смысл – «взять со стола» или

«взять из стола». А неправильно употребленный предлог воспрепятствует правильному пониманию и значительно замедлит поиски, если мы, следуя чьим-то указаниям, ищем очень важную вещь у него то ли в столе, то ли на столе.

И при этом народ активно идет «с бани» и даже «с университета», а возвращается – «с Парижа» и «с Лондона». Многие оправдывают это тем, что речь-то разговорная, а в разговорной речи, мол, многое допустимо, и клянутся не допустить такой ошибки на письме. Но это нехорошая вольность даже в разговоре, а кроме того практика показывает, что люди, которые говорят неправильно, неправильно и пишут. Да и живем мы не в доломоновские времена, когда существовали отдельные языки – для письма и для разговора. У нас, правда, теперь есть еще и язык Интернета, но речь сейчас не о нем.

Еще путаница с предлогами происходит в конструкциях с глаголами «**забрать**», «**отобрать**» и «**отнять**». Все чаще мы слышим «забрали от меня» и «от него отняли». И хотя в последнем выражении приставка «от-» как бы шепчет, подсказывает она неправильно: перед существительными и местоимениями в сочетаниях с этими глаголами нужен предлог «у», а не «от». Откуда появились подобные неправильные конструкции, определить затрудняюсь: может быть, из какого-то родственного славянского языка, а может, во всем виновата арифметика – «от пяти отнять два». Да, в математике это так, но только в математике, а во всех остальных случаях – «у него отняли кошелек», «у соседа забрали оружие», «у ребенка отняли конфету».

А вот зато под явным влиянием эстонского языка некоторые наши переводчики пишут и говорят «купить из магазина», «выяснить из министерства» и «узнать от них». Последнее словосочетание коварно тем, что иногда оно вполне легитимно, например, в предложении «Эту тайну я узнал от них». Но в ситуации, когда нужно что-то где-то выяснить, такое не годится. Правильно говорить «**я узнаю у него**» и «**я узнаю в министерстве**». Ну, а «купить из магазина» – то же самое, что вернуться с Лондона.